

Александр
Проханов
ШТУРМОВИК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П84

Серия «Планета Проханов»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется
по закону*

Проханов, Александр Андреевич

П84 Штурмовик : роман / Александр Проханов. —
Москва: Издательство АСТ; Редакция «КПД»,
2026. — 352 с. — (Планета Проханова).

ISBN 978-5-17-194116-1

Пётр «Фан-Фан» Феофанов — герой Специальной военной операции: потеряв свой отряд, но взяв опорный пункт противника, он остался один и вступил в рукопашный бой; схватка шла на равных, пока в руки главному герою не попался лежащий рядом камень, которым он и поразил несчастного неприятеля. Этот эпический поединок снимал FPV-дрон, и вскоре кадры облетели весь интернет. Феофанов стал народным любимцем.

По возвращении с СВО он пытается найти себя в мирной жизни, попадая на вузовские исторические кафедры и в закрытые политические клубы, на научные экспериментальные площадки и в мрачные религиозные секты, — и везде он видит новое поле боя. Специальная операция не закончилась, она стала священной.

Теперь перед Феофановым стоит тяжелейшая задача — провести свою священную операцию и очистить страну от скверны, лжи и предательства. Какой путь он изберёт, знает только камень, с которого всё и началось, — камень силы, камень преткновения, камень русской истории.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-194116-1 © Александр Проханов, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Тебя всё нет. Мы ждём тебя веками.
Хочу понять. Но мне не суждено.
Белеет при дороге русский камень.
Под ним лежит заветное зерно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он просил о тумане, молил о тумане. Выманивал его у неба, посылавшего на землю осенние дожди. У земли, поглощавшей дожди и не испарявшей их обратно на небо. Просил у тех, кто направлял в войска метеосводки, готовя вылет армейской авиации. Молил Того, Кто ведал дождями, небом, землёй, туманами, развешивая их над пустошью, по которой парами шли штурмовики, и украинские дроны не видели целей, а только чувствовали продвижение групп. Наносили бессмысленные слепые удары, поражая темневшие в тумане пятна, — осевший на осях грузовик и убитую корову.

Старший лейтенант Пётр Феофанов, позывной «Фан-Фан», готовил две пары к штурму «опорника» на окраине посёлка Отрадный. «Опорник» размещался в развалинах, накрытый маскировочной сеткой. Птичке не удавалось рассмотреть контуры блиндажа, он терялся в развалинах среди подвалов и колодцев. Группам предстояло пересечь открытую пустошь, где они становились желанной целью дронов. Углубиться в лесополосу, в «полку», полную растяжек и лепестковых мин. Подойти к пустырю у посёлка, где каждый клочок травы

пристрелян пулемётами. Рывком приблизиться к блиндажу, забросать гранатами, сунуть стволы в дымную яму и добить защитников. Занять блиндаж и ждать подкрепления. Или откатиться назад, спасаясь от артиллерии укров, потерявших блиндаж.

Старший лейтенант Феофанов смотрел, как едва светлеет пролом в стене и краснеют огоньки сигарет. Делил маршрут до «опорника» на три отрезка. Каждый сулил истребление. И тогда за погибшей группой пойдёт другая, мимо простреленных, разорванных тел, подбираясь к проклятому блиндажу.

В первой паре шли Феофанов и чуваш Васильев, позывной «Рот», нескладный, с руками, как черпаки, с губастым шевелящимся ртом, словно он постоянно жевал. То и дело поводил плечами, будто было тесно под бронежилетом, и хотелось сбросить обузу. Васильев ходил на штурмы, его цапнула пуля, но укус был неглубок, и он из госпиталя попал к Феофанову как штурмовик с боевым опытом.

Во второй паре шли Кремнев, позывной «Крем», и Волотяев, позывной «Тятя». «Крем» круглоголовый, белёсый, румяный туляк. «Тятя» тощий, вяленый бородач из Калуги, не умевший запихнуть под ремешок каски клочковатую бороду. Оба необстрелянные, после кратких курсов на полигоне, где сделали выстрел из гранатомёта, метнули учебную гранату и расстреляли магазин по фанерной мишени. Таких, как они, звали «Доширак» — пища быстрого пригото-

ления. Феофанов, собирая обоих в пару, боялся угадать на их лицах тень скорой смерти.

Командир взвода Пётр Феофанов, двадцати шести лет, с открытым упрямым лицом и серыми, отвыкшими смеяться глазами, окончил общевойсковое училище, водил танк, управлял боевой машиной пехоты, вёл огонь из всех видов стрелкового, владел тактикой боя в полосе взвода и роты. Попал на донбасский фронт, где танковые прорывы остались в курсах лекций, наступления с большими массами войск были сюжетами учебных фильмов. Войну вели малыми группами, захватывая бугорки и ложбинки, превращённые противником в опорные пункты. Так собака выгрызает блоху из шерсти. Злобная мелкая тварь трудно попадает на сверкающий собачий клык. Взвод Феофанова дважды менял состав. Феофанов видел на планшете продвижение групп, их убывание на маршруте и последний смертный бросок штурмовика, исчезавшего в дыму гранат. Разрушение «опорника» и гибель бойца он сопровождал вскриком «Ой, ля!». Вскрик был ругательством, поминальной молитвой, воплем командира, терявшего бойца-однодневку. Феофанов сжимал полный дыма планшет, повторяя «Ой, ля! Ой, ля!»

Теперь он вёл группу сам. Все четверо укрылись на машинном дворе, откуда предстояло выдвижение. Неохотно светало. В ангаре был сумрак, стоял колёсный трактор без двигателя, с мятыми шинами огромных колёс. Деревянный верстак, тиски, железные шкворни, катушка

с остатками кабеля — всё смутно различимо. Сырость, холод. Ветер с дождём залетал в прогал ворот. Сорванные с петель створки плоско лежали на земле. Бетонные плиты дороги грязно светлели среди рытвин и луж.

— Так, бойцы! Дожидаемся света. Смотрим под ноги. Вчера кружил беспилотник, сыпал лепестки. Ночью идти — подорвались бы. Ждём минут двадцать, и вперёд! — Феофанов говорил бодро, видел, что новобранцы Крем и Тятя нервничают, одну за другой палят сигареты. Феофанов поправил им обоим «разгрузки», одёрнул смятые ремнями бушлаты, коснулся висящих за спиной автоматов. Он был вместе с ними, радел за них, своими касаниями успокаивал, обещал жизнь, благополучное возвращение.

— Повторяю. Рот и я идём первые. Дошли до «полки», встали. Укрылись в деревьях, ждём. Идёте вы. Крем и Тятя. Держать дистанцию. Смотрим небо. Прилетела птичка, не бежать, не падать, не жаться друг к другу. Бей её влёт! Она тебя, или ты её. Сшибай, как ворону!

— Зачем ворону? Мы уток били. Влёт навскидку! — храбрился Крем. Его круглое, с румянцем лицо, синие пуговицы глаз крутились под каской. В нём было сходство с колобком, присевшим на лисий нос.

— Ну, ты классный охотник, Крем. Научишь Тютю стрелять.

— Командир, ты, того, мою выплату домой отошли. Выплата к жене не доходит, — Тятя

заталкивал клок бороды под ремешок каски. Феофанов видел его крючковатый палец с грязным ногтем. Такие бывают у слесарей, сточивших руки о наждаки и напильник.

— Птичку пулей не сбить. А дробовик где возьмёшь? — чуваш Рот сказал и долго шлёпал губами, словно пережёвывал застрявшую фразу. Был похож на корову, жующую сено.

Феофанов чувствовал их жизни в неизвестном украинском посёлке, разгромленном артиллерией. Эти жизни даны Феофанову не для сбережения и продления, а для скоротечного боя за безымянную рытвину на краю другого посёлка. Там их жизни и жизнь Феофанова оборвутся и канут в рытвине, полной дыма. Их смерти найдут оправдание в других, победных свершениях, где нет места сырому рассвету, поломанному трактору, пальцу Тяти с жёлтым ногтем и пугливой мысли о лепестковой мине в жухлой лесопосадке.

Феофанов отодвинул рукав бушлата, посмотрел на командирские часы с двумя циферблатами. В стекле часов блеснул рассвет. Шагнул к воротам. За спиной оставался сумрак с тенями людей и предметов. Впереди открылся простор рассветного неба, ронявшего брызги дождя. Последняя секундная слабость, желание отступить, укрыться в тенях ангара. Феофанов набрал воздух, как ныряльщик, и кинулся в жестокую пустоту рассвета, в потоки дождя и ветра.

«Ой, ля!» — он ударил башмаком в бетон дороги. Бежал, стуча о бетон. Свернул с дороги

на травяную пустошь. Хлюпало, чавкало. С травы летели брызги. При вздохе теснило грудь, поджимала «разгрузка». Гранаты, скрученные изолентой рожки, фонарь, индпакет. Не звякало, не тряслось. Взгляд улетал вперёд, шарил по траве, возвращался под ноги. Искал зелёные плавники притаившейся мины. Он сильно топал о землю, подавая знак бегущему следом чувашу, — «мин нет». Рот бежал, мотая ковшами рук, загребал, словно плыл. Не приближался к Феофанову.

«Ой, ля! Молодец, губастый! — Феофанов верил, что похвала достигла несуразного чуваша, владеющего секретом бессмертия. — Ой, ля!»

В стороне остался грузовик, застрявший в колее. Его несколько раз бомбили. Шины сгорели, кузов съехал набок. Поодаль, запрокинув рогатую голову, лежала корова. В дожде она казалась мокрым валуном. Беспилотники, покружив над посёлком, не найдя достойной цели, сбрасывали на корову гранаты, терзали мёртвую тушу.

Опаснее, злее земли, было небо. Из низких туч хлестало. Прогалы, в которых сочился расцвет, сулили прилёт беспилотников. Феофанов сквозь хлюп башмаков, посвист ветра слушал, не раздастся ли тихий стрёкот, и косым ястребиным полётом прянет коптер, и тогда придётся бежать, метаться. Чёрная тень сечёт небо, целит, роняет тёмный клубочек гранаты.

Феофанов чувствовал над собой пустое небо. Пустота была мнимой. Из летящих туч

следил за ним немигающий космический глаз. Офицер американской разведки наблюдал из космоса его бег по сырой равнине, брызги травы, гранаты в «разгрузке», полные воды брови. О нём уже знали, его маршрут был исчислен, Операторы украинских дронов видели его на планшете. И сейчас прилетит чёрный паучок с цепкими лапками, отыщет, вопьётся, накроет коротким взрывом.

«Ой, ля!» — Феофанов бежал, делая выдох ненависти. Этим выдохом он хотел толкнуть американского офицера, опрокинуть на его белый мундир бумажный стаканчик кофе.

Лесная полоса приближалась, казалась тёмной горой. Появились деревья с безлистными вершинами. В вершинах повис дождь. Феофанов влетел в посадку, проломил кусты. «Ой, ля!» Закрыв глаза, спасаясь от веток. Остановился у высокого дерева с чёрными, мокро блестящими ветвями. Те изгибались, струились, танцевали. Их танец успокаивал.

В небе не было дронов. Танцевала гибкая балерина.

Феофанов видел, как подбегает Рот. В нём звякало, тряслось, из толстых губ летел пар. Подбежал и топтался, смяв куст. Тот облетел. На кудрявых веточках краснели ягоды. Чуваши сорвал одну, подержал в корявых пальцах и раздавил. На жёлтые ногти брызнул красный сок.

— Командир, а что такое «дилемма»? — он слизнул с пальцев сок. Сок оказался горьким, и чуваш сплюнул.

— Что? — Феофанов смотрел на тусклую зелёную пустошь, ожидая вторую пару.

— Что, спрашиваю, такое «дилемма»?

— Дилемма? Ну, это ни то, ни сё. Тебе зачем?

— Крем сказал: «Перед нами „дилемма“». Я не успел спросить, побежал, — Рот шлёпал губами, словно не мог прожевать незнакомое слово.

Феофанов подумал: Рот пересекал открытую пустошь, был мишенью для дронов, под прицелом американского спутника, хлюпал, загребал руками, дышал паром и при этом разгадывал главную загадку жизни — значение слова «дилемма».

Феофанов отодвинул рукав бушлата, посмотрел на часы. Капли упали на циферблат, стрелки расплылись. Он скосил к плечу голову, доставая щекой рацию.

— Крем! Крем! Я Фан-Фан! Выдвигайтесь! — Феофанов всматривался в дождливую муть. Машинный двор был неразличим. Неразличимы в дожде были подбитый грузовик и мёртвая корова. — Крем! Я Фан-Фан! Выдвигайся!

— Выдвигаюсь, Фан-Фан! — просипела прилипшая к плечу рация.

Дождь перестал. Ветер угнал дождевую завесу. Открылась вся просторная зелёная пустошь, развалины посёлка, засевший в колеях грузовик, тёмный бугор коровы. На пустоши один за другим появились два бегущих солдата. Разделялись и снова сливались.

— Дистанцию, Крем! Дистанцию! — Феофанов разводил, раздвигал их взглядом, а они сближались. Было видно круглое, как колобок, лицо Крема. Тятя бежал согнувшись, словно из него выпадали внутренности, а он их поддерживал. Чернела под каской его борода.

«Давай, луноход, подгребай!» — Феофанов испытал моментальный страх, сжатие в пупке, резь под сердцем. Увидел ещё незримое, услышал бесшумное. Оно приближалось, толкало перед собой не наступившие секунды. Феофанов ловил секунды не существующим органом чувств. Прозрачная тень скользнула в деревьях. Догоняя тень, налетел металлический стрёкот. Дрон косо пошёл над пустошью и исчез. Второй дрон чёрным треугольником прошелестел, повис в стороне и метнулся. Он метался, пропал, появлялся.

— Крем, птички! Воздух!

Солдаты встали, крутили головами, смотрели в небо. Дрон низко, сливаясь с травой, прошёл на бреющем. Взмыл и повис. Тятя махал руками, закрывал каску ладонями. Побежал.

— Тятя, отставить! Стоять! Бей по нему! Огонь!

Тятя бежал. Не к посадке, а обратно к посёлку. К машинному двору, откуда не видно неба, а в сумраке поломанный трактор, верстак, железные шкворни.

Тятя бежал, накрывая каску ладонями. Дрон летел над ним. Украинский «дроновод» испытывал похоть, давая Тяте пожить. Феофанов

видел, как рядом с бойцом поднялся взрыв, словно встал второй человек. Дым отнесло. Тятя лежал, сливаясь с грязной зеленью травы.

— Ой, ля! — простонал Феофанов.

Крем бежал к посадке, вилял, делал круги и петли. Дрон нависал над ним. Отлетал, словно издалека любовался. Взмыл свечой и, как ястреб, целил с высоты.

— Бей его, суку, Крем! Достань его! — кричал Феофанов, тоскуя.

Крем сорвал автомат, приседал, крутился, отбивался от дрона. Тихо стучали очереди.

— Крем, раздолби его!

— Прощай, командир! — чмокнула рация прощальным поцелуем.

— Ой, ля!

Взрыв замотал солдата в чёрный дым. Дым отнесло, Крем лежал лицом в небо.

— Дилемма, — чуваш шамкал ртом.

Дроны носились над пустошью. Их было пять. Они шарили, искали цели. В них оставалась неутолённая жажда добычи. Они казались птеродактилями, посланцами каменноугольных лесов. Пролетали над «полкой», заглядывали вглубь посадки. Феофанов охватил ствол дерева, распутившего над ним зыбкую безлистную крону. Уткнул лицо в сырую кору, в рыжий лишайник, хватая запах осеннего тления. Чуваш укрылся в кусте, сидел на корточках. Казалось, ветки растут из его головы и боков, и на ветках краснеют ягоды.

Дроны зло посвистели и смолкли. Феофанов отпал от дерева. Вызвал по рации ротного.

— Вёрткий, я Фан-Фан! У меня два «двухсотых». Мои действия?

— Выполняй, Фан-Фан! — рация сипела. — Вперёд!

Понуждения не требовалось.

— Вёрткий, есть выполнять!

Убитых Крема и Тятю заберут в темноте. Если кто из них ранен, истечёт до вечера кровью. «Эвакуаторов», если они сунутся днём, тут же уложат дроны.

Было тихо, сыро. Чуваш сидел в кусте. Из его головы росли ветки, усыпанные несъедобными ягодами. Феофанов вдруг испытал к нему благодарность. Тот был жив, дышал паром, не лежал на пустоши, изрезанный осколками. Совершил несколько штурмов, уцелел, был бессмертным. Делился с Феофановым своим бессмертием, брал его в вечную жизнь.

«Ой, ля!» — Феофанов оттолкнулся от дерева, вышел из древесных волокон.

— Рот, вперёд! Вперёд, говорю!

«Полка» тянулась два километра. Выходила к посёлку Отрадный, огибала, продолжаясь в мокрых полях, где догнивала стерня. Крупные рогатые деревья поднимались из мелких кустов. В зарослях вела едва заметная тропка. Ступая по ней осторожным шагом охотника, Феофанов заметил две «растяжки». Тонко мерцали струнки, соединявшие гранаты с деревьями. Он оторвал кусочек красного скотча, пометил растяжки, связался по рации с чувашом.

— Смотри под ноги. Не прошамкай растяжку!